

АННА
ТЕПЛИЦКАЯ

НИНО

И ЕЕ ПРИЗРАКИ

АНТИРОМАН О ЛЮБВИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т34

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Теплицкая, Анна Аркадьевна.

Т34 Нино и ее призраки : роман / Анна Теплицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-211214-0

Нино Кецховели живет в роскошной квартире на Фонтанке: муж-полковник, двое сыновей, любовник и хроническая усталость от жизни.

В поисках выхода она приходит к гипнотерапевту, но путешествия в подсознание таят опасность.

История Нино — это и драма любви, и психологический эксперимент, и путешествие по мифологическому Петербургу, где реальность и воображение сплетаются до неразличимости. Грузия, Россия, три десятилетия жизни и один вопрос: можно ли вырваться из круга собственных воспоминаний?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211214-0

© Теплицкая А., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

— **Н**аша великая любовь началась с секса втроем. Женщина, называющая себя психологом, глянула на меня исподлобья поверх очков, так и норовивших съехать с утинового носа, и уточнила:

— Ваша великая любовь с мужем?

— С мужем? — не поняла я. — При чем здесь мой муж?

— Все ясно, — психолог опустила глаза куда-то в недра своего блокнота, будто вне этой вещицы не существовало больше ничего, и уже не поднимала их на меня.

Не знаю, зачем она нацепила эти миниатюрные квадратные стеклышки, потому что через них она во все и не смотрела — я за этим внимательно следила последние десять минут. Очки ездили взад-вперед по носу, обтянутому толстой пористой кожей: психолог морщилась и по складкам оправы удивительным образом поднималась — руками она при этом не пользовалась. Поэтому я с нарастающим нетерпением ждала, пока они съедут окончательно и, разогнавшись на вдавленной спинке, подпрыгнут на кончике, упадут и на хрен разобьются.

— Вы хотите шокировать меня, удивить или эпатировать. Напрашивается вопрос: зачем вам это нужно? — спросила она.

— Почему это? Вы спросили, я ответила. Все по-честному.

— Вам нравится ощущать себя не такой, как все, верно? Ваше бессознательное манифестирует: «я не обычная женщина», «мне чужды традиционные ценности» — ведь так?

Тут я заметила кольцо на ее пальце, замужня психологша, психологиня со стажем, ратующая за вечные семейные ценности. Само мое появление тут ее раздражает. У этой сердитой женщины, которая годами впечатывала в лицо маску нарочитого профессионализма, вероятнее всего, муж-работяга и один-единственный ребенок, бедный малыш, что ходит по квартирке, поджимая попу как нашкодивший пес. Оба живут в стрессе, в ожидании навязчивого психотренинга с ее стороны. Этих людей она носит на руках как свое величайшее достижение, наравне с дипломом психолога, тычет всем этим дерьмом проходящим в лицо.

— Совсем не так. Может быть, я и не совсем обычная, только я не задумываюсь над тем, нравится мне это или нет, скорее думаю, что это мне мешает. Хотела бы я полюбить свою жизнь, то, чем занимаюсь.

— Опишите, чем вы занимаетесь.

— Да вроде и ничем.

— Вы чувствуете себя счастливой?

— Стать счастливкой — один плевочек: у меня все есть, я должна быть счастлива.

— Зачем вы паясничаете? Вы чем-то недовольны?

— Определенно. Зачем бы я тогда, по-вашему, сюда пришла?

Психологша все же взглянула на меня и, к моему невероятному сожалению, вальяжным движением сняла очки. Это, по-видимому, означало, что ей

надоел цирк и сейчас - то она возьмется за меня по-серьезному.

— Нино, зачем вы здесь?

Я вздохнула:

— Слушайте, половина моих подписчиков рекомендовали вас как отличного специалиста, я всегда думала, что психологи — это все не про меня, а тут решила попробовать, чем черт не шутит. Фантазировала, как лежу здесь, на кушетке, пью горячий шоколад, рассказываю про проблемы из детства, а вы молчите и записываете. Изредка уточняете: «Что вы почувствовали?» А у нас с вами как-то не получается контакта.

— Психотерапия — это обоюдный процесс. И, несмотря на то что вы постоянно играете, я вижу, что передо мной женщина, переживающая кризис среднего возраста.

— Правда? — обрадовалась я. — У меня депрессия?

— В феноменологической психологии мы стараемся не использовать это слово. Рассказываю: у этой женщины двое детей, не настолько маленьких, чтобы владеть ее вниманием целиком, но и не настолько больших, чтобы больше не нуждаться в материнской опеке. Вы сказали, это мальчики, шесть и девять лет?

— Да.

— Ну а когда я спросила про мужа, вы отвечали односложно: сотрудник спецслужб, работает, командировки, одиннадцать лет брака. То есть, несмотря на большую семью, вы чувствуете себя одиноко.

— Одиноко — это вряд ли, у меня полно друзей.

— Поговорим о них?

Психологша метнула на меня быстрый вопросительный взгляд, и я пожала плечами: «Зачем? У меня нет по этому поводу ни одного вопроса».

— Вы никогда не хотели найти работу?

— Нет, работать — это не для меня. Да и зачем? Вначале у меня были богатые родители, а сейчас муж. Недостатка в деньгах нет.

— Работают не только из-за денег.

— Глупости.

Я знала, что ее это покоробит, надеялась, она будет спорить, но нет — психологша перевела тему:

— Я так поняла, что вы любите другого мужчину? Не мужа.

— Да.

— Хотите рассказать, как так получилось?

— Очень хочу, но не сейчас.

— Почему?

— Настроения нет.

Психологша ничего не говорила, но я заприметила ее импульсивное желание завершить сеанс: она легонько пристукнула каблуком, глянула на часы и пригладила волосы, как мы, женщины, делаем перед тем, чтобы попрощаться. Из чувства внутреннего противоречия я решила атаковать ее мощным козырем:

— Знаете, грустно, что вас не заинтересовал тот факт, что главная эмоция молодой женщины — это скука, но есть кое-что еще. — Тут я взяла торжественную паузу, изрекла: — У меня проблемы со сном.

— Какого рода проблемы? Бессонница? Частые пробуждения?

Руки подняли, вновь раскрыли блокнот, и я не смогла скрыть триумфальную усмешку:

— Ночные галлюцинации.

Это была одна из тех вещей, которая сильно портила мне жизнь. Наряду с необходимостью стареть и невозможностью есть все подряд из бу-

лочной на углу. Видения мучают меня уже несколько лет.

— Периодичность?

— Ну... где-то раз в неделю, думаю. Причем иногда видений может не наблюдаться несколько месяцев, но, честно говоря, это случается со мной крайне редко.

Неожиданно и это не сработало: она поцокола языком и сообщила:

— Нино, гипсомния — это точно не ко мне. Я не обладаю профессиональной компетенцией в этом вопросе. Здесь вам может помочь гипнотерапевт.

Несмотря на то что она явно хотела избавиться от меня, я приободрилась — гипсомния звучала также вкусно, как и гипнотерапевт; для вида я пожевала невидимую жвачку и спросила:

— Гипноз, что ли?

Гипноз — это круто, у меня с детства была к этому тяга. В цирке особым удовольствием для меня было наблюдать, как внешне совершенно нормальный человек входит в транс и безропотно выполняет все желания невзрачного незнакомца. До сих пор думаю, что потрясающе было бы обладать такой силой воздействия на людей. Потом папа рассказал про статистов, с которыми договорились заранее, и я разочаровалась. Иногда до меня долетали фантастические истории про гадалок, которые выманивали у ничего не подозревающих бабушек целебные состояния, но я уже не верила им. По-моему, все это туфта. Или нет?

Психологиня заверила меня, что нет:

— Говоря о гипнозе, люди часто имеют в виду что-то почти сверхъестественное, но это не так. Это действенный способ психотерапии. С его по-

мощью мы можем и избавиться от алкогольной зависимости, и вылечить несчастную любовь, и преодолеть фобии. Давайте договоримся о следующем, — небрежным тоном сказала она. — Я дам вам контакт одного сильного питерского специалиста, вы сходите к нему на консультацию, пройдете курс. А что касается наших с вами сеансов... у меня для вас задание, которое нужно выполнить непременно.

— О да, я о таком слышала... задание. Что мне надо сделать? Преодолеть себя? Прыгнуть с парашютом? Попробовать аяуаску? Поцеловать трех незнакомцев? — размечталась я.

— Вам нужно найти работу.

— Нет, — мне стало скучно от ее дурацкого задания, но, преодолев себя, я широко улыбнулась. — Разве более легкая жизнь с меньшим объемом труда и очевидными социальными предпочтениями похожа на неосознанный выбор? Работа — это определенно последнее, что мне нужно в этой жизни.

— Я уверена в обратном. Найдите место, которое вам подходит... я бы рассмотрела вакансии секретаря или персонального ассистента.

— Ну и рассмотрите.

— У вас есть высшее образование? — проигнорировала она хамство.

— Пара незаконченных.

— Поверьте, деятельность решит большую часть ваших проблем. Я понимаю, вам не нужны копейки, которые вы заработаете, — она так сказала слово «копейки», выплюнула эти монетки в мое довольное лицо. — Но включившись в процесс, где решение мелких задач других людей будет стоять у вас на первом плане, вы отвлечетесь от большой проблемы в своей жизни.

— У меня и большая проблема есть? А мне казалось, что я пришла к вам как раз потому, что нет у меня никаких проблем.

— Мы обе понимаем, что это и есть проблема. И договоримся, пожалуй. Если вы не собираетесь выполнить мое задание, то этот сеанс будет для нас с вами крайний.

— Последний, а не крайний. У вас-то наверняка есть высшее образование, давайте хотя бы вы будете говорить правильно.

Глава 2

К психологше я и так больше не собиралась, поэтому ее угроза на меня не подействовала. Было около шести вечера. Благо она принимала на Владимирском проспекте, через Щербаков переулок я довольно быстро доковыляла до улицы Рубинштейна. Питер подмерзал под стальным туманом, делал мой привычный по этой улице маршрут опасным для жизни. Благодаря плохому зрению я увидела молящегося рядом с баром кролика, хотя это была всего лишь черно-белая кошка.

Прямо за стойкой я пропустила пару бокалов, размышляя о своей налаженной по большому счету жизни. Я была собой довольна. Круто, что я умнее психологши с кучей дипломов. Может, пора уже самой начать практиковать? Они мыслят шаблонно, дают затертые советы, и я бы вполне могла.... Толку от нее совсем немного. Неужели она не могла дать мне ни одной зацепки, как решить проблему, которую я условно обозначила как «скучно до смерти». В конце концов, разве это не ее работа — разобраться, что именно я скрыла под такой формулировкой? Она не продвинулась в этом ни на йоту.

Я сделала глоток: как грузинская женщина, выросшая в Мцхете, я относилась к вину как к одной из разновидностей безалкогольных напитков. Во времена сухого закона в Тбилиси всегда можно было ку-

пить хорошее вино. Есть чай, кофе, вино, лимонад и вода, меня так с детства учили. В этом я, кстати, видела противоречие: если для грузин выпивка — элемент выработанного социального кода, а я умею и люблю получать от спиртного настоящее удовольствие, так, может, никакая я не грузинка, а самая обычная русская алкашка? Мне эта мысль не понравилась, я покачала головой, допила бокал и направилась к дому.

Вход через черную лестницу был закрыт, поэтому мне пришлось делать большой крюк и заходить в дом через парадную с набережной Фонтанки, на что было потрачено еще минут семь. Мы занимали лучшую квартиру в доме. Пока я пыталась открыть ее дверь, крепко ухватив тремя пальцами ключ, старательно проворачивала его в скважине положенное количество раз он, зараза, стал подаваться совершенно в другую сторону, что меня вначале потрясло, а затем разозлило. Ах, сучок... я сжала его посильнее и всем телом подалась влево: при этом маневре каблук заскрежетал, но ключ боролся исправно, обнаруживая в себе недюжинную силу. От натуги я даже взмокла. Тут послышался щелчок, ключ таки вырвался из моих рук, дверь открылась, и я ввалилась в прихожую.

— Дура, что ли?

Это был человек, которого я меньше всего ожидала встретить в такое время дома, — мой муж Алексей Александрович. Комичнейшая трагедия брака — вы начинаете жить вместе, чтобы существовать раздельно.

— Ты???

— Понятно, пила опять, — сказал он, втягивая носом воздух. Посмотрел на мои грязнущие сапоги и расстегнутую сумку.

— Я не пила. Два бокала всего.

— Где же два, как минимум пять.

— Может, и пять, — сказала я и протиснулась мимо него в прихожую. — Ты какими судьбами?

— Живу я здесь.

— Ааа... — Я села на пол, стянула один сапог, затем другой. — Редко ты об этом вспоминаешь, к сожалению.

— Проходи давай.

На кухне сидели, болтая ножками, оба наших сына. Старший, Давид склонился над тетрадью и, задумавшись, рукой тер складку между бровей, младший с беззаботным лицом рисовал каракули. Няня, как последняя сука, смылась в одно мгновение.

— Папа! — закричали они оба, как потерпевшие. — Ура! Ты сегодня так рано! — меня они проигнорировали.

— Поможешь с уроками? — сказал Давид. — Мама в математике не шарит.

— Мама ни в чем не шарит, — сказала я, села и закрыла голову руками.

— Тогда тащите пеналы и чистые листы бумаги, — велел Алексей Александрович.

Дети рванули в комнату, толкаясь, подставляя друг другу подножки: они уже смекнули, что так бежать гораздо веселее. Муж мой открыл холодильник и вдруг задал пренеприятнейший вопрос:

— Что на ужин?

«Все несчастливые женщины несчастливы по разным поводам, — подумала я. — Кого-то раздражает, когда муж ужинает не дома, кому-то, наоборот, впаду готовить».

— Ты не мог поесть в городе, что ли? — с неудовольствием спросила я.

— У меня для этого дом есть.

Так вспыхнула очередная ссора. Начинается разговор о том, что неплохо бы мне хотя бы иногда готовить. Я говорю: «Какой в этом смысл, если

обычно по вечерам тебя не бывает дома». Он говорит: «У тебя дети есть». Я говорю: «Детям готовит няня». Начинается спор. Который быстро перепрыгивает с одного предмета на другой. «Ну, да это давно известно, всегда так: ты сказал...» — «Нет, я не говорил». — «Стало быть, я вру, да?!.»

Дальше — больше. Он говорит невозмутимо: «Да замолчи уже», — или что-то в этом роде. К моей великой досаде, когда я дохожу до истерического припадка, он молчит или отвечает спокойно, словно мое поведение его забавляет и не более того. Я могу взбесить его по-настоящему, только если вовлекаю детей в нашу ссору. Поэтому я выскакиваю из комнаты, бегу в детскую. Он старается удержать меня, чтобы договорить, успокоить, хватает за руки: «Ну хватит, Нино, не начинай». Меня уже несет, я прикидываюсь, что он сделал мне больно, и кричу: «Мальчики, ваш отец бьет меня!» Он в ответ, повышая голос: «Хватит истерить при детях!» «Ведь это уж не в первый раз!» — или что-то в этом роде. Дети бросаются ко мне с плачем. Я успокаиваю их. Он говорит: «Не притворяйся!» Я говорю: «Для тебя все притворство! А я несчастна, и дети мои тоже! Все это твоя вина!» — «О господи, да когда же это уже кончится», — говорит он и уходит на балкон курить. Я ухожу в гардеробную. «Я уезжаю!» — кричу и собираю вещи. Он спрашивает куда. Я не отвечаю. «Ну и черт с тобой».

Мы познакомились тринадцать лет назад: «Девушка, у вас бензобак с другой стороны». Довольно быстро поженились. Потом мальчики — старший Давид, младший Матвей. Муж сначала любил меня, даже очень. Всем сердцем мужчины, который почти на десять лет старше своей хорошенькой жены. А потом случилась первая ссора — из-за телевизора, который он забыл выключить на ночь. А потом вторая.

«И стало быть, первая не была случайностью, а это так и должно быть, и так и будет».

Критическим положение стало год назад.

Муж, человек состоятельный, стал еще более занят, чем прежде. Он работал в службе внешней разведки, в каком-то специальном отряде, про который никто ничего не знает. То есть каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и заранее распределена. Я откровенно скучала.

— Ты вышла замуж за офицера, который на десять лет старше тебя, — говорила мама. — Чего же ты ожидала? Безудержного веселья?

Мама очень мудрая. Сибирячка, которая всю жизнь прожила с суровым человеком по имени Тамаз Кецохвели и наконец смогла найти в браке безмятежное одиночество. Она много курила и мало говорила. Но если все-таки говорила, то непременно что-то очень мудрое.

— Я думала, он будет любить меня с каждым годом все крепче, ну уж всяко не наоборот.

— Разве ты что-нибудь сделала для этого?

— Он меня предал, мама. Он обещал мне, что мы всегда будем вместе, только я все время одна.

— Все женщины одни.

— Меня это не устраивает.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я поступила на филфак. Не знаю, на что я рассчитывала, читать-то я ненавидела. Папа сказал, что у меня должно быть классическое образование, что мой глубокий внутренний мир требует самоанализа, и мне показалось это значимым доводом. Кафедры немецкой и романской филологии не внушали доверия, на кафедре математической лингвистики было непонятно что подсчитывать. Оставалась кафедра английской лингвокультурологии, но и она не вызывала энтузиазма. Студенты были двух типов: более-менее нор-

мальные сокурсники ходили с выражением недоумения на лице, остальные — с врожденной философской гримасой. За две недели до второй сессии я бросила учебу. Пару лет болталась, а потом все же поступила в государственный университет промышленных технологий и дизайна на экономическую специальность. Здесь было повеселее. По крайней мере, парни по-симпатичнее, да и с подругами повезло, одна Алиска чего стоит. Первые две сессии сданы успешно, а потом: «Девушка, у вас бензобак с другой стороны».

— У тебя кукуха от безделья поехала! — кричит Алексей Александрович, пока я надеваю дубленку, чтобы выскочить в ночь.

— Что ты сказал?!

— Что слышала! Отдай сюда куртку и иди спать, сумасшедшая, — сказал слово «сумасшедшая», значит, получилось его хорошенько взбесить. А как держится-то! Ну ничего, это пока что. Я сдвинула брови — наступило время беспроигрышной комбинации. Конечно, почти все без исключения грузины любят манерничать, но в своем несчастливом браке я отточила мастерство жеманных манер до вполне серьезного уровня. Я заломила руки:

— Ах ты, подонок! Зря я вышла замуж за русского. Папа ведь говорил, чтобы я выходила замуж только за грузина...

— Что ты несешь, только послушай себя... — будто бы огорченно сказал он, но сжатые челюсти выдавали его с головой.

Я зарделась от удовольствия:

— Где я не права? Ну где?!

— Ты вообще себя слышишь? Да ни один кавказец бы не позволил, чтобы его жена шлялась по барам, бухала по вечерам и палец о палец по дому не ударила! У грузина ты целый день бы лепила хинкали и хачапури.